

«...Мои друзья –
Холмы... и Солнечный закат...»
Литературный портрет Эмили Дикинсон

Светлой памяти Юрия Витальевича Ковалева,
прекрасного американиста и человека

Небольшой городок Амхерст в штате Массачусетс, Новая Англия, – край поэтов. Здесь жил Роберт Фрост, один из наиболее известных американских поэтов (тропа Роберта Фроста, 30-километровый маршрут по живописным холмам, поросшим лесами, проложенная им и тщательно сохраняемая и охраняемая почитателями его таланта, начинается на окраине города), здесь живут и другие, менее известные, поэты. Но своей литературной, поэтической славой Амхерст обязан в первую очередь одному из кругнейших поэтов США и мира – Эмили Дикинсон.

Судьба большого поэта часто обрастает легендами. Не миновала эта судьба и Эмили Дикинсон, что вполне понятно, уж очень неординарной была жизнь поэтессы. Эмили Дикинсон родилась 10 декабря 1830 года в одном из самых уважаемых семейств. Ее отец, почтенный Эдвард Дикинсон, был видным юристом города и казначеем известного всей Америке Амхерстского колледжа. Суровый, требовательный человек. Рассказывают, что во время фотографирования фотограф сказал ему: «Улыбнитесь, мистер Дикинсон». – «А я и улыбаюсь», – с удивлением промолвил почтенный джентльмен. Эмили Дикинсон выросла в одном из лучших домов Амхерста (дом этот сохранился и поныне в центре города, сейчас в нем музей поэтессы), окончила женский колледж в Холиоке, городе милях в тридцати от Амхерста. Единственный сохранившийся дагерротип поэтессы изображает молоденькую хорошенькую утонченную девушку лет девятнадцати с огромными темными глазами. Конечно же, у нее были поклонники. Но тогда же, в девятнадцать лет, что-то случилось. Несчастная любовь. Литературоведы написали многочисленные тома, доискиваясь до того, кто был этот мужчина, переломивший судьбу Эмили Дикинсон. Называли пастора ее церкви, который, увы, был женат. Или мужа ее сестры. Имя этого человека навсегда осталось загадкой, да это и к лучшему. Сама Эмили Дикинсон в своей поэзии позволяла себе только обмолвиться о своем несчастье. Главное, что это несчастье способствовало рождению гениальной поэтессы.

Легенда гласит, что с тех пор, с девятнадцати лет, Эмили Дикинсон замкнулась в себе, стала отшельницей, и переступала порог своего дома только ночью в сопровождении своего огромного дога. Но это легенда. Правда то, что со временем действительно сужался круг ее общения, пока не замкнулся на самых близких родных. А дальше – сплошные противоречия в личности поэтессы. И в ее поэзии. Эмили Дикинсон была прекрасной хозяйкой, знаменитой кулинаркой. Ее требовательный отец ел хлеб, испеченный только Эмили. И многие свои стихи она

писала на оборотной стороне испачканных маслом рецептов или магазинных счетов, потому что стихи эти часто приходили к ней во время занятий делами по хозяйству. Возвышенное и земное. И остается только поражаться тому, как из замкнутого пространства дома, маленького городка пуританской Новой Англии (в Амхерсте и сейчас двадцать тысяч жителей), своего отшельничества, женской судьбы в сердце пуританской Америки XIX века она прорывается в Космос, в огромный мир, с которым общается на равных.

Письмо мое – миру, который
Ни разу мне не написал, –
Простое посланье Природы,
Что мне Ее Дух нашептал.

И весть эта передается
Всем вам, кому жить и любить.
Прошу от Нее: коль придется –
Меня деликатней судить.

Перевод Н. Пономаревой

В одном из стихотворений, посвященных своему дому (прекрасный особняк, строгий, но изысканный, свидетельствующий о превосходном вкусе владельцев, заставляющий своими изящными пропорциями вспомнить архитектуру Возрождения), Эмили Дикинсон пишет об окне своего кабинета как окне в мир. Прекрасный поэтический образ, но, учитывая реалии Амхерста XIX века, его следует понимать и буквально. Дом Эмили Дикинсон находится в самом центре городка, расположенного на площадке, приподнятой над всей Долиной Пионеров, а кажется – над миром. Отсюда открывается вид на многие мили живописной долины, окаймленной вдали скалистыми горами, поросшими лесами, красота которого захватывает дух и в ясные зимние дни, и тем более цветущим летом. Не это ли позволяло поэтессе, отрешившейся душевно от суетности жизни, чувствовать свою прямую связь с этим необыкновенно глубоким небом, со Вселенной, Космосом, Богом? Это – и самая суть романтической эстетики, универсализм романтической поэзии, уравнивающей в правах Человека и Космос.

Наш Мозг – пространнее Небес.
Вложите – купол в купол –
И Мозг вместит весь небосвод
Свободно – с Вами вкупе.

Наш Мозг – глубиннее Морей.
Пучину лей в пучину –
И он поглотит океан –
Как губка – пьет кувшин.

Наш Мозг весомей всех Земель –
Уравновесит Бога –

С ним — фунт на фунт — сойдется —
Он звук — основа Слога.

Интересно отметить, как это свойство романтической поэзии проявилось в творчестве современника Дикинсон, столь не похожего на нее Уолта Уитмена, провозгласившего тождество Человека всему живущему, сущему, всем силам мира. Но оптимистическому голосу Уитмена, славящего красоту и мощь Человека всесильного, Эмили Дикинсон отвечает трезвым скептицизмом, стоицизмом пуританки, осмелившейся усомниться в мудрости и справедливости Провидения, осмелившейся упрекать Бога:

Правда ли, что Небо — доктор?
Говорят, Оно излечит.
Но посмертные микстуры
Бесполезны там, где Вечность.

Правда ль, Небо — казначейство,
Где долги все сосчитают?
На переговорах этих
Вряд ли кто меня узнает.

* * *

По крайней мере — мне дано молиться.
О, Иисус! Я всюду пред Тобой.
Во все пространство под Твоей десницей
Пытаюсь достучаться я молбой.

Потряс землетрясением планету,
Водоворотом закрутил моря;
Скажи мне, Иисус из Назарета,
Тебе достанет силы на меня?
Перевод Н. Пономаревой

Я вызвала целый мир на бой —
Камень — в руке моей.
Крепче меня был пастух Давид —
Но я была вдвое смелей.

Я камень метнула — но только себя
Ударом на землю смела.
Был ли слишком велик Голиаф —
Или я чересчур мала?

Родившись в самом центре пуританской Новой Англии, в семье, свято верившей в Бога и соблюдавшей все догматы веры, Эмили Дикинсон с течением времени перестает посещать церковь. Трудно сказать, какие бы житейские последствия это могло иметь для нее, не будь она а Dickinson — из Дикинсонов! Но свое новое кредо она предельно точно выразила в своих стихах — это Человек, который через муки своим терпением и героизмом воз-

вышается и становится вровень с Богом.

Мы не знаем — как высоки —
Пока не встаем во весь рост —
Тогда — если мы верны Чертежу —
Головой достаем до звезд.

Обиходным бы стал Героизм —
О котором Саги поем —
Но мы сами ужимаем размер
Из страха стать Королем.

Вселенная Эмили Дикинсон устроена как бы на паритетных началах: Богу и его мирозданию нет дела до человека, его страданий, борьбы и гибели:

Такой — крошечный — крошечный — Челнок
В тихой заводи семенил.
Такой — вкрадчивый — вкрадчивый — Океан
Посулом его заманил.

Такой — жадный — жадный — Бурун
Сглотнул его целиком —
И не заметил царственный флот —
Челнок мой на дне морском.

* * *

Все будет прежним вокруг тебя —
Весна придет в свой срок —
Созреет Утро и прорвет свой огненный Стручок.

В лесах зажегся дикий цвет —
Ручьи полны вестей —
И тренькает на банджо Дрозд —
Пока ты на Кресте.

Свершен неправый Приговор —
А вечер так же тих.
Разлука с Розой для Пчелы —
Вся сумма бед земных.

Эмили Дикинсон никогда не собиралась публиковать свои стихи. Они были для нее способом самовыражения, откровением духа. При жизни поэтессы было опубликовано всего три-четыре стихотворения, без ее ведома. Большая часть ее стихов была обнаружена после ее смерти, и сестра Эмили Лавиния обратилась за помощью к жене местного профессора Мейбл Тодд, а последняя привлекала к опубликованию неожиданно проявившегося поэтического наследия Томаса Хиггинсона, известного писателя и эссеиста. Вдвоем они опубликовали первый сборник стихов Эмили Дикинсон в 1890 году. Выход этого сборника стал литературным

событием в культурной жизни страны и сделал неизбежным публикацию второго сборника стихов в 1891 году. В 1896 году Мейбл Тодд издала третий сборник поэзии Эмили Дикинсон. То, что при жизни поэтессы немногим, читавшим ее стихи, казалось слишком необычным, странным до ненормальности, слишком утонченным, оказалось высокой поэзией, обладающей даром провидения, мощного эмоционального и интеллектуального воздействия на читателя. Посмертно Эмили Дикинсон была признана великой поэтессой, разделив удел многих других гениев человечества.

Первые издатели произвольно подразделили поэтическое наследие Эмили Дикинсон на следующие циклы: Жизнь, Любовь, Природа, Время, Вечность. Возразить против подобного подразделения нечего. Эмили Дикинсон писала о вечных категориях бытия, и писала как Человек, посвященный в вечные тайны мироздания и человеческой души; как человек, словно изведавший все муки и самые изощренные радости сердца и потому могущий поведать о них, и как свободный дух, освобожденный от всего земного и потому обладающий способностью наиболее глубокого проникновения в суть явлений, чувств, законов бытия. Откуда затворница, старая дева из Амхерста, ведущая тихую размеренную жизнь, знала о Любви больше, чем люди, прожившие жизни страстей? Или о тяжести поражения, о горечи неудачи? Но сказала она о Любви и о Поражении так, словно чужой опыт был ее собственным достоянием.

Придись на осень ваше возвращенье,
Я отряхнула б это лето с рук.
Чуть-чуть улыбки и чуть-чуть презренья —
Домохозяйки так гоняют мух.

Когда б могла вас встретить через годы,
Перемотала б моток в клубки
И спрятала бы в ящики комода
До той поры, когда вязать носки.

Когда бы и столетья задержались,
Легко бы сосчитала их в руке,
Как четки... Пока пальцы не разжались,
Чтоб прорасти меж камешков в песке.

О, если б знать, что после жизни этой
Придет иная — нас соединив! —
Я сбросила б, как кожу в миг рассветный,
Вот эту жизнь, пот вечности вкусив.

Но нет, никто в подробностях не знает,
Сколь ненадежны времени дары.
Отсчет идет — как будто пчелка жалит
Сквозь прожитое нами, изнутри.

Перевод Н. Пономаревой

Многие стихи, по меткому выражению Томаса Хиггинсона, действительно похожи на растения, «вырванные с корнем из земли, с дождем, росой и землей, прилипшей к корням, наполненные свежестью и издающие аромат жизни», и в то же время ее поэзия – это поэзия символов, очищенных от всего индивидуального, поэзия высокой абстрактности, а абстракциями в ней служат Жизнь, Любовь, Красота, Бог, Космос, Смерть, Вечность. Но среди этих абстракций протекала жизнь Эмили Дикинсон. Вечность была рядом, столь же реальна для нее, как Бог – для истово верующей монахини, так же реальна для жизни духа, как реальна была кухня, поле дневных забот. И, думается, именно из-за них, из-за постоянного присутствия Вечности и Смерти она умела так любить жизнь и ее проявления, и в большом и в малом: появление первой малиновки весной, летний дождь, пурпур заката и золото рассвета, жужжание пчелы, бабочек, цветы мая, бабье лето...

Пчела не боится меня,
И с бабочкой я знакома;
Прелестный народец в лесах –
И наши друг другу поклоны.

Ручьи смеются звончей,
 когда я к ним прихожу,
И ветры с морей веселей
 сдувают седую тень...
К чему же, глаза мои, слезный туман?
К чему, в этот летний день?

Перевод Н. Пономаревой

И только кошек не переносила Эмили Дикинсон – ведь они были врагами ее любимых птиц, из-за чего у нее постоянно возникали споры с Лавинией, великой кошатницей.

Некоторые исследователи отмечают доминирование темы смерти в поэзии Эмили Дикинсон, объясняя его тем, что дом Дикинсонов на Мэйн-стрит был расположен недалеко от городского кладбища, на котором, кстати сказать, в 1886 году нашла приют и сама Эмили, и все похороны обязательно проходили мимо их дома. Возможно, этот факт и сыграл свою роль, как и Гражданская война, пришедшаяся как раз на расцвет творчества поэтессы и унесшая столько жизней, о чем говорится и в ее стихах. Вообще же пристрастие к теме смерти является свойством всей романтической эстетики, постоянными темами которой, особенно в поэзии, были Любовь и Смерть, что очевидно на примере творчества великого современника Эмили Дикинсон Эдгара Аллана По. Но с точки зрения психологии творчества превалирование этого мотива у Эмили Дикинсон связано в первую очередь с ее ощущением себя как части Космоса, причастной ко всем его законам и тайнам и потому тщащейся «заглянуть за край», за завесу смерти, и приобщиться Вечному Бытию. Смерть для Эмили Дикинсон – только переход в иное качество, способ Приобщиться. В ее отношении к смерти нет ни ужаса, ни истеричного неприятия – только спо-

койное мужество пуританки, готовой уйти достойно и вселяющей своим спокойным достоинством и мудрым приятием заведенного Порядка мужество и в других людей.

Умидали такие люди —
Что смерть мы спокойней встретим.
Жили такие люди —
Что мост перекинут к бессмертию.

* * *

Боже, запрягай скорей,
Я к отбытию готова!
Лишь взгляну на лошадей —
Погоняй! И всё! И дома!

Попроцней устрой в пути —
Не упасть бы при разгоне.
На Последний Суд летим
И, как видно, вниз по склону.

Я не против — если мост,
Если море — я не против,
Мой Возничий — в полный рост.
Не сбавляй на повороте!

До свиданья, жизнь, — жила.
До свиданья, мир, — знавала.
Поцелуй — холмам. Пора.
Я готова. Я устала.

Перевод Н. Пономаревой

Интересно отметить, что на могиле Эмили Дикинсон, в отличие от всех других мотил на местном кладбище, высечена надпись не «died» (умерла), но «called back» (отозвана назад). Что это, признание ее притязаний на уравнение в правах с Теми, кто определяет законы бытия?

Чем же, по мысли Эмили Дикинсон, должны быть заполнены дни в ожидании Ухода и Справедливого Приговора? Для чего живет человек? В поэзии Эмили Дикинсон есть ясные ответы и на эти экзистенциальные вопросы бытия:

Если сердцу хоть одному
Не дам надорваться —
Я проживу не зря.
Если боль хоть одну

облегчить смогу,

Или горе чье-то унять
Мне хоть раз удастся,
Или просто верну в гнездо
Малиновку,
Чтобы взошла заря, —

Проживу не зря.

Перевод Н. Пономаревой

Я принял смерть — чтоб жила Красота —
Но едва я был погребен —
Как в соседнем покое лег Воин другой —
Во имя Истины умер он.

«За что,— спросил он,— ты отдал жизнь?»
«За торжество Красоты».
«Но Красота и Правда — одно.
Мы братья — я и ты».

И мы — как родные — встретили ночь —
Шептались — не зная сна —
Покуда мох не дополз до губ
И наши не стер имена.

Служение людям, служение Красоте, которая, согласно Эмили Дикинсон, и есть Высшая Правда жизни. Таков этический и эстетический идеал творчества поэтессы.

Живя как бы вне времени, Эмили Дикинсон намного обогнала свое время. Поэзия, рождавшаяся у нее, — это психологическая поэзия XX века, поэзия, в основе которой — тонкий анализ движений души, жизни сердца, психологического опыта человека, импрессионистски точно фиксирующая рождение чувства и мысли и их смену. В этом Эмили Дикинсон продолжает поэтический принцип Эдгара По, сделавшего основой своей поэзии переживание не событий, но чувств, настроений, мыслей, воспоминаний, приходящих к нему из прошлого, и развивает этот принцип далее, вплотную подходя к принципу реакции на действительность, положенному Марселем Прустом в основу своей эпопеи «В поисках утраченного времени».

Это новое содержание обрело в поэзии Эмили Дикинсон новую, не известную американской поэзии до нее, поэтическую форму. Стих Дикинсон неровен, нервен, до предела напряжен, дисгармоничен, как и мир поэтессы, который он призван воспроизвести. Его рвут на части тире — ее любимый знак препинания; он не снисходит до соблюдения рифмы. И если поэзия Уитмена — это мощное дыхание океана, то поэзия Эмили Дикинсон — неровная пульсация сердца, шум крови в висках в решающие минуты жизни.

Неудивительно, что Томас Хиггинсон, первым читавший ее стихи, забраковал их — ведь это был вызов классическим размерам и рифме, определявшим поэзию до Эмили Дикинсон! Неудивительно, что она звучит так современно. Когда читаешь последние строки одного из ее лучших стихотворений о любви, об оживлении любимого, на память естественно приходит цветаевское:

Не возьмешь мою душу живу!
Так, на полном скаку погонь —
Пригибающийся — и жилу

Перекусывающий конь
Аравийский.

О такой поэзии прекрасно сказал тот же Томас Хиггинсон: «Когда при чтении стихов поэтессы комок застревает в горле, урок грамматики неуместен».

Слово в поэзии Эмили Дикинсон становится словом-символом, обнажая свой первоначальный смысл, наполняясь светом глубокой и оригинальной мысли, которую оно призвано выразить. Не случайно в оригинале текстов ее стихов многие существительные написаны ею с большой буквы. Дисгармония мира передается посредством сближения разноплановых понятий, соседством слов из разных сфер бытия, что приводит к неожиданному поэтическому эффекту, рождая новые, весьма непривычные ассоциации. Об этих особенностях поэзии Эмили Дикинсон выразительно сказал А. Моруа: «Они отпугивают ленивые умы, но зато возбуждают другие и помогают им открыть в пейзажах души прекрасные эффекты светотени».

Свидетельством того, что подобный своеобразный стиль ее творчества был не «собранием художественных приемов», но выражением самой сути ее мышления, ее мировидения, служат следующие строки из письма Эмили Дикинсон Хиггинсону, пожелавшему узнать побольше о ней самой и ее семье: «Вы спрашиваете — кто мои друзья — Холмы — сэр — и Солнечный закат — и мой пес — с меня ростом — которого мой отец купил мне — Они лучше — чем Существа человеческие — потому что знают — но не говорят — а плеск Озера в Полдень прекрасней звуков моего фортепиано. У меня Брат и Сестра — наша Мать равнодушна к Мысли — Отец слишком погружен в судебные отчеты — чтобы замечать — чем мы живем — Он покупает мне много книг — но просит не читать их — побаивается — что они смутят мой Разум. Все в моей семье религиозны — кроме меня — и каждое утро молятся Затмению — именуя его своим "Отцом"».

15 мая, в день смерти поэтессы, на ее могиле собираются члены Общества друзей Эмили Дикинсон, почитатели ее таланта. Пьют вино, читают ее стихи. Мне почему-то кажется, что в этот день Эмили Дикинсон встает из могилы и в своем белом платье (она всегда носила только белое платье) присоединяется к собравшимся, незримо присутствует среди них. Думаю, ей нравится то, что день ее ухода превращается в праздник Жизни. И это правильно и глубоко символично — истинный поэт так же бессмертен, как и его поэзия.

ТАТЬЯНА КОМАРОВСКАЯ